

Устная история Великого Новгорода

С.Н. Азбелев

Привлечение фольклорных материалов за IX–XVII вв. существенно помогает уяснению ряда фактов и обстоятельств истории Великого Новгорода.

Продолжающее бытовать среди части историков представление о завоевании Новгородской земли скандинавами оказывается в противоречии не только с прямым смыслом «Повести временных лет». Дошедшее в устной передаче предание ясно повествовало о добровольном соглашении с Рюриком. Оно позволяет признать договорные отношения Новгорода с князьями исконной традицией, а не результатом политического конфликта.

Само же обращение именно к Рюрику объясняется на основе фольклорных источников, дошедших в рукописной передаче, причинами династического характера: Рюрик по матери был внуком управлявшего ильменскими славянами Гостомысла, являясь наполовину славянином, наполовину датчанином. Его датское происхождение из династии Скъолдунгов выяснено давно, славянское происхождение следует из текста Иоакимовской летописи, которая пересказывает устное предание. Доверие к устным источникам этой летописи восстановлено после археологической проверки наиболее обстоятельного из них — рассказа о крещении новгородцев. Результаты проверки были не так давно опубликованы руководителем новгородских раскопок академиком В.Л. Яниным.

Династические браки между представителями владетельных семей Дании и прибалтийских славян в ту эпоху за-

Азбелев Сергей Николаевич — доктор филологических наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Публикуемая статья — доклад автора на Богословской конференции ПСТБИ в 2004 году.

свидетельствованы западноевропейскими хронистами. Политической основой являлись союзные отношения в противостоянии натиску общих противников. Управлявший бодричами Гостомысл был естественным союзником датчан в сопротивлении Каролингам. Затем он, очевидно, возглавил прибывавших в Приильменье переселенцев — главным образом из племенного союза бодричей и с острова Руяна. Воспоминания об этом острове как языческом религиозном центре отобразились в разных жанрах восточнославянского фольклора. Данные фольклора, топонимики, этнографии, языка, археологии свидетельствуют, что славянское население Новгородской земли отчасти было потомками переселенцев с южного побережья Балтики. Эту миграцию объясняют давлением со стороны Каролингов, а оно активизировалось как раз в IX в. и направлено было, в частности, именно на владения Гостомысла.

Дошедшие до собирателей фольклора в устной традиции предания о его погребении на Волотовом поле под Новгородом, согласующиеся с известиями древнерусских письменных памятников, позволяют уточнить и откорректировать данные некоторых немецких хроник. Соотносимость сведений о Гостомысле в фольклоре, в обязанной фольклору Иоакимовской летописи, в Новгородской первой летописи и в латинских анналах IX–XII вв. подтверждается его историчность.

Исторический Добрыня, игравший важную роль в правление своего племянника — крестившего Русь князя Владимира Святославича — и своей деятельностью оставивший существенный след в истории Новгорода, — герой нескольких былин.

Крупнейшие исследователи русского эпоса давно увидели в основе былины «Добрыня и Змей» события, отраженные в Иоакимовской летописи, и именно содержащееся в ней подробное повествование о крещении Новгорода считали древнейшим свидетельством историчности сюжетного ядра былины, которое осложнено мифологическим мотивом

борьбы героя со Змеем. Драматические события, породившие устный источник Иоакимовской летописи, обусловили формирование окончательных версий былины, дошедших до собирателей, где победа героя над Змеем символизирует победу христианства над язычеством. Созданная в новгородских пределах и здесь закрепившаяся в массовом устном репертуаре, эта былина доказывает, насколько прочно утвердилось в народном сознании Новгородской земли позитивное отношение к христианству.

Вторая из наиболее популярных былин о Добрыне, тоже созданная на Новгородской земле и там записанная более сотни раз, не испытала наслоений мифологических мотивов и прямо восходит к преданию, дважды отобразившемуся в раннем летописании — кратко в «Повести временных лет» и более полно в Лаврентьевской летописи под 1127 годом. Это былина о женитьбе князя Владимира, где ясно проведена идея государственной значимости исходного факта. Добрыня побеждает войско князя, дочь которого идет за Владимира в результате военных действий, так как отец ее, согласно вариантам былины, оскорбил жениха намеками на его будто бы низкое происхождение и отказал в сватовстве Добрыни. Исходное событие — женитьба Владимира на полоцкой княжне Рогнеде при активном содействии исторического Добрыни после военной победы над ее отцом, подчинение при этом Полоцкого княжества и ослабление позиций будущего конкурента Владимира в борьбе за великокняжеский стол — даже в эпическом осмыслении — на протяжении десяти веков оказывалось устойчивым зерном, отобразившим верно понятую сущность столь значимых тогда исторических фактов.

Таким образом, древнейшие из былин, несомненно, отразивших события X в., связаны с князем Владимиром Святым, к правлению которого еще в Новгороде приурочивается историческая основа былины «Добрыня-сват», а к последовавшему уже в бытность его великим князем киевским крещению Новгорода — основа былины «Добрыня-змееборец».

Непосредственно относится к Новгороду и содержание двух былин, историческая основа которых связана с деятельностью Владимира Мономаха. Он оправданно воспринимается наукой как второй исторический прототип былинного князя Владимира Красное Солнышко.

Былина, озаглавленная ее сказителями «Князь Глеб Володьевич», отправным фактом имеет поход на Херсонес в 1077 г. новгородского князя Глеба Святославича и помогавшего ему еще молодого тогда Владимира Всеволодовича. Имя главного героя быliny — результат слияния в длительной устной передаче имен двух князей, возглавлявших поход 1077 года. На устное произведение о нем наслоились отзвуки воспоминаний об аналогичных событиях, что представляет собой обычное явление в эпической традиции. В данном случае такими событиями были более ранний поход на Херсонес Владимира Святославича и более поздний поход Владимира Мономаха в 1095 году. Поход, предпринятый князьями Глебом и Владимиром в ответ на просьбу византийского императора, обращенную к их сюзерену — великому князю киевскому, трактуется былиной как результат просьбы русских купцов, несправедливо задержанных и ограбленных властями Херсонеса. Там в то время действительно практиковались непомерные таможенные поборы, с чем и был реально связан поход 1095 года. Исторический смысл быliny ясен даже после обрастания ее фабулы сказочными подробностями: стремление новгородцев обезопасить свою торговлю за рубежом, которое, очевидно, лежало и в основе готовности предпринять поход 1077 г., хотя об этом в письменных источниках прямых сведений не сохранилось.

Более распространенная былина «Ставр Годинович» имеет соотнесенность с несколькими письменными источниками: Новгородская первая летопись сообщает, что в 1118 г. княживший в Киеве Владимир Мономах разгневался на новгородского сотского Ставра и заточил его. Новгородская берестяная грамота № 613, датируемая концом XI —

первой трети XII в., содержит начало письма, обращенного к Ставру. В Софийском соборе Киева есть граффити с автографом Ставра Городятинича (почерк XI–XII вв.). Но основное содержание дошедшей до нас былины — не обстоятельства заточения Ставра, а его освобождение женой, повествование о чем основано на использовании сказочных мотивов, имеющих параллели в фольклоре других народов. Исследователи былины отмечали проявление в ней оппозиционности к киевским князьям со стороны новгородцев, которые добивались, чтобы их не вызывали для суда в Киев (как поступил в данном случае Мономах). Стремление оградить себя от княжеского самоуправства было характерно для эпохи, предшествовавшей политическому перевороту 1136 г., но сохраняло актуальность и позже, благодаря чему былина прочно вошла в устный репертуар сказителей Новгородской земли.

Века экономического и политического расцвета Новгорода были и периодом расцвета устного эпоса. К тому времени относится сложение двух циклов особенно знаменитых новгородских былин — о Садко и о Василии Буслаевиче. Старшие новгородские летописи сообщают, что в 1167 г. Сотко Сытинич заложил в Детинце каменную церковь святых Бориса и Глеба, а согласно былине, Садко построил в Новгороде церковь Николая (в некоторых вариантах названы другие церкви). Новгородские летописи XVII в. именуют строителя церкви Бориса и Глеба «Сотко богатой» — аналогично былине. В Никоновской летописи и некоторых поздних летописях Новгорода есть известие о смерти «посадника Васьки Буславича» в 1171 году. Исследователи давно пришли к выводу, что оно навеяно фольклорным источником: старшие новгородские летописи имени с подобным отчеством не упоминают, нет его и в списках новгородских посадников.

В обоих циклах главный персонаж былин, обладающий выдающимися способностями, независимый и предприимчивый, противопоставив себя окружающей социальной сре-

де, одерживает победу. Но после своего исключительного успеха и тот, и другой герой терпят неудачу вследствие чрезмерной уверенности в своих возможностях. В дошедшем до нас виде эти былины (первоначальный вид их нам неизвестен) отчасти как бы символизируют историческую судьбу самой Новгородской республики в ее противостоянии великокняжеской власти на протяжении трех с половиной веков — до той поры, когда стремление новгородцев к политической самостоятельности пришло в противоречие с общенародным делом объединения Руси.

Несмотря на временные изменения, внесшие много сказочного в былины о Садко и породившие несколько смысловых неясностей, темных мест в былинах о Василии Буслаевиче, и там и тут достоверно переданы многие характерные черты социального быта Новгорода в XII–XV вв.: заклады, братчины, набор дружины молодым боярином, бой на Волховском мосту, вызванный борьбой за власть, огромный размах торговли, паломничества в Святую землю — все это, как и многое другое, ярче и полнее отобразило реальную жизнь древнего Новгорода, чем несколько схематизированные порой картины древнего Киева в былинах о подвигах его богатырей.

Эпос Киевской Руси дошел до нас, будучи циклизирован и переработан. Оформление этих былин принадлежит уже Новгородской земле, в пользу чего говорит и их традиционное начало: «Во стольном городе во Киеве...», поскольку в самом Киеве и на Киевщине такой зачин оказался бы излишним; в былинах, где место действия — Новгород, аналогичного зачина о Новгороде обычно нет. По-видимому, циклизация и переработка в основном завершились в период борьбы Новгорода с Москвой, т. е. в XIV–XV веках.

Но уже в XIV в. Новгород не остался в стороне от организованного Москвой общерусского противостояния нашествию войск Мамаю. Этот важный факт не попал в летописи того времени из-за наступившего вскоре после 1380 г. особенно резкого обострения отношений между Москвой и

Новгородом. Но устное Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому отразилось многократно в письменных памятниках более позднего времени, цитировалось в иностранных выдержках, а до того взаимодействовало с «Задонщиной». Достоверность основного содержания этого устного произведения подтверждена записью в древнем синодике поминания новгородцев, павших на Дону при великом князе Дмитрие Ивановиче, и возведением тогда в Новгороде храмов, посвященных знаменательному событию.

На Новгородской земле создавались и былины, представлявшие собой эпические переосмысления громких исторических событий XIV столетия — прежде всего Куликовской битвы. Сложение этих былин в XV в. представляло собой не новаторство. Это было воссоздание «на старой основе», но с применением новых «строительных материалов» древних былин, отозвавшихся на борьбу против степных кочевников во времена Киевской Руси. Название Куликова поля прочно вошло в былинный эпос. Однако богатыри избавляют от нашествия полчищ Мамаю не Москву, а Киев. Русский князь везде сохраняет имя Владимир. Возглавляет победоносное войско почти всегда Илья Муромец, причем нередко описывается собирание им перед боем русских богатырей, подробно перечисляемых былиной.

Кроме имен, в эпосе широко распространенных и возводимых еще к домонгольской Руси (Добрыня, Алеша, Дунай, Пóтык, Михаил Игнатьевич), а также нескольких более или менее редких, почти непременно бывают названы персонажи «новгородского происхождения». Это, прежде всего, Самсон, историческим прототипом которого не без оснований принято считать новгородского воеводу Самсона Колывановича. Богатырь Самсон Колыванович обычно возглавляет дружину, которая выручает Илью Муромца и решает исход битвы с татарами. Этот былинный эпизод имеет сюжетные параллели с героическим сказанием, конкретно отразившим участие в Куликовской битве новгородцев (но не содержащим имени Самсона). В таком перечне и оказыва-

ются Василий Буслаев (попавший сюда, конечно, из былин о нем) и Василий Казимирович — герой новгородской былины, посвященной свержению ордынского владычества.

Эта былина в своей ранней версии отозвалась на Куликовскую битву, а в более поздних трактовала в эпической манере факт уничтожения татарского ига. Главный ее персонаж — богатырь Василий Казимирович, историческим прототипом которого послужил новгородский посадник Василий Казимир. Анализ письменных источников позволил выяснить, что он являлся не врагом присоединения Новгорода к Москве (как считали некоторые исследователи былины), а сторонником соглашения с великокняжеской властью. Хотя в 1481 г. Иоанн III все же выслал из Новгорода и Василия Казимира, перед тем новгородское войско под его главенством, очевидно, участвовало в событиях, приведших к освобождению Руси от власти Орды, что и отобразила былина.

В героических былинах XV в., повествующих об успешной борьбе русских богатырей с татарским войском, ясно видны стремление как бы игнорировать роль Москвы и выдвижение новгородских персонажей. Население Новгородской земли, конечно, сочувствовало борьбе против татаро-монгольских поработителей, в которой оно участвовало, несомненно, в 1380 г., а очевидно — и в 1480 году. Но отрицательное отношение к действиям тогдашних московских владык, по-видимому, оказалось устойчивым. Это определило некоторые особенности эпического творчества Новгородской земли в XV в., закрепившиеся в XVI в. — после разгрома Новгорода царем Иоанном Грозным.

В тот период почти закончилось продуктивное развитие былин, пополнение их новыми произведениями, но продолжается расширение ареала былинной традиции за счет миграций населения Новгородской земли. С другой стороны, после включения ее в состав единого Русского государства здесь получают большее распространение исторические песни. На новгородском Севере они испытывают воздействие былин.

Наиболее значительным примером этого является весьма распространенная песня «Гнев Ивана Грозного на сына». В основе ее сюжета лежали исторические факты правления Иоанна III, которого современники называли Грозным — ранее, чем его внука. Сын Иоанна III, князь Василий Иванович, назначенный сначала наследником престола, подвергся затем опале, будучи обвинен в государственной измене, а позже помилован и даже провозглашен великим князем Новгорода и Пскова. Впоследствии песня была переработана применительно к эпохе Иоанна IV. В конце XVI в. появилась ее версия, весьма напоминающая по жанру былину и созданная, несомненно, на Новгородской земле, где она и была много раз записана. Согласно этой версии, царевич, сопровождающий Иоанна IV в его новгородском походе, проявляет милосердие к жителям Новгорода, стремясь уберечь их от расправы, за что и подвергается царскому гневу.

Есть и примеры полного превращения в былины исторических песен о событиях, актуальных для населения Новгородской земли. Они оказались самыми поздними историческими фактами, послужившими основой для былин: это подвиги и гибель выдающегося полководца князя М.В. Скопина-Шуйского в начале XVII века. Как известно, Михаил Скопин, возглавляя войско, собранное им на Новгородской земле, очистил от интервентов и сторонников Лжедмитрия II значительную территорию и снял блокаду Москвы. Предложения захватить власть были отвергнуты Скопиным, но царь Василий Шуйский, подозревая его в обратном, вызывает князя в Москву — для воздания почестей. После официальных торжеств Скопин был отравлен на частном пиру дочерью Малюты Скуратова (женой неудачливого воеводы Дмитрия Шуйского, завидовавшего успехам Скопина).

В пределах Новгородской земли бытовали две песни о князе Скопине. В одной рассказывалось о его военных победах, в другой — о гибели. Центральную идею второй со-

ставляет не воинский, а нравственный подвиг. Родные и близкие предостерегали Михаила Скопина от поездки в Москву. Но его отказ приехать мог быть истолкован как подтверждение домыслов о намерении Скопина незаконно захватить престол. Герой быliny принимает смерть ради утверждения своей нравственной правоты.

Превращение в быlinу песни о военных подвигах Скопина отчетливее проявилось в новгородском Прионежье, но некоторые конкретные исторические детали лучше сохранились в Русском Устье — самой удаленной (и долгое время почти изолированной) в XVI–XVII вв. фактории переселенцев с Новгородского Севера в Сибирское Заполярье, на низовьях реки Индигирки, где уцелели древнейшие редакции нескольких былин. Здесь герой обращается с молитвой на одоление врагов не только к Богородице, но и к святой Софии Премудрой, храм которой служил некогда символом могущества Великого Новгорода.